

«Цинцзю, у тебя лицо красное. — Увидев Лу Цинцзю, свернувшегося калачиком в одеяле, Инь Сюнь вскрикнул: — У тебя жар?»

Голова Лу Цинцзю налилась свинцом. Он долго не мог осмыслить слова Инь Сюня, лишь тупо смотрел на друга. Видя его в таком разбитом состоянии, Инь Сюнь сразу понял: заболел.

«Я за градусником, минуту», — бросил он на ходу и метнулся в гостиную, туда, где лежала аптечка.

Ледяная рука Бай Юэху легла на лоб Лу Цинцзю. От этого прикосновения Лу Цинцзю невольно потянулся ближе, прижимаясь лбом к тыльной стороне ладони, словно ища спасения.

Бай Юэху следил за каждым движением Лу Цинцзю: вот тот берет его руку, вот нежно прижимает к пылающей щеке. Сквозь тонкую кожу пробивался обжигающий жар.

Люди и впрямь хрупки — даже лёгкий холод способен вызвать проблемы с их организмом.

Бай Юэху смотрел на Лу Цинцзю спокойно, но взгляд его скользнул к шее молодого человека. Шея — самое уязвимое место человеческого тела. Стоит лишь слегка прикусить — и раздастся хруст, а человек перед ним станет его целиком и полностью. Навсегда. И тогда не придётся бояться, что он уйдёт по какой-то пустячной причине...

Когда Инь Сюнь вернулся с градусником, он застал Бай Юэху облизывающим губы, глядя на Лу Цинцзю. В чёрных глазах змеился едва заметный красный отсвет. Инь Сюнь не мог разглядеть деталей, но этого хватило, чтобы кровь застыла в жилах.

Поняв, что дело принимает дурной оборот, Инь Сюнь крикнул что было сил: «Лу Цинцзю!»

Бай Юэху вздрогнул, вырванный из оцепенения. Красный отлив в глазах быстро погас, уступая место привычной черноте.

«Я принёс градусник. — Инь Сюнь сделал вид, что ничего не заметил. Он подошёл к Лу Цинцзю и поднёс градусник к его губам. — Подержи во рту немного».

Лу Цинцзю пребывал в полном забытии, не понимая, что творится вокруг. Он послушно взял градусник в рот и пробормотал: «У меня жар?»

Инь Сюнь почесал затылок: «Похоже на то. Честно говоря, я уже сто лет не болел...»

Лу Цинцзю усмехнулся с горькой беспомощностью: «Верно, я здесь единственный обычный человек».

Градуcник показал 39°С. Сомнений не было – жар.

К счастью, готовясь к зиме, Лу Цинцзю запасся лекарствами на все случаи. По его указаниям Инь Сюнь нашёл нужное и дал больному. А Бай Юэху тем временем приготовил холодные полотенца и положил компресс на лоб Цинцзю.

«Ай, почему это я вдруг слёг? — Голос его сел и стал гнусавым. Лу Цинцзю свернулся калачиком на кровати, болезненно морщась. — У меня же сто лет не было жара».

Инь Сюнь: «Может, переутомился? Или в снег холодный провалился?»

Лу Цинцзю покачал головой: он и сам не знал. Болезни всегда приходят внезапно – если бы люди знали их причину, никто бы никогда не болел.

Сначала его бил озноб, но когда кан прогрелся, стало невыносимо жарко. Лу Цинцзю хотел скинуть одеяло, но Инь Сюнь встревоженно остановил его: «Не смей! Дай себе пропотеть, а то заболеешь ещё сильнее».

«Но мне жарко!..» — взмолился Лу Цинцзю.

«Потерпи, слышишь?» — настаивал Инь Сюнь.

Бай Юэху сидел рядом молчаливо и неподвижно. Было видно, что он не понимает человеческих болезней – в его глазах застыла растерянность.

Лу Цинцзю то засыпал, то просыпался. Когда ему стало чуть легче, за окном уже стемнело. Инь Сюнь отправил Бай Юэху на кухню за водой, а сам легонько растолкал Лу Цинцзю.

«А?» — отозвался тот.

«Мне надо домой –зажечь свечи, — сказал Инь Сюнь дрожащим голосом. — До завтра не вернусь».

Лу Цинцзю почуял неладное: «...Что случилось?»

Инь Сюнь заговорил торжественно: «Цинцзю, когда я уйду, ты останешься с Бай Юэху один. Не спи. Сделай всё, чтобы не заснуть».

«А? Почему?» — удивился Лу Цинцзю.

«Ты ему слишком нравишься».

Лу Цинцзю на миг остолбенел, но так и не понял, к чему клонит друг. «Что?»

Инь Сюнь пояснил: «Ты не знаешь, но у их расы есть обычай: они глотают всё, что им нравится. Ты не видел, как он на тебя смотрел, когда я вошёл. Я боюсь, что он проглотит тебя целиком». — Слова звучали дико, но серьёзное лицо Инь Сюня не оставляло сомнений: он не шутил.

«Я... Я понял. Можешь идти».

«Постарайся не уснуть, ладно? — Инь Сюнь был на взводе. — Если переживёшь эту ночь, потом всё будет хорошо!»

Лу Цинцзю кивнул, согласившись с наставлением.

В комнату вошёл Бай Юэху с чашкой воды. Он поднёс её к губам Лу Цинцзю, следя, как тот пьёт маленькими глотками.

«Тогда... я пошёл. Увидимся завтра утром».

«Угу. — Выпив воды, Лу Цинцзю почувствовал себя бодрее. — До завтра. Береги себя».

Инь Сюнь махнул рукой и вышел. Но его взгляд напоследок кричал о тревоге: он боялся, что Бай Юэху совершит непоправимое.

Как только говорливый Инь Сюнь ушёл, в комнате воцарилась тишина. Лу Цинцзю откинулся на спинку кровати. Болезнь сделала его лицо ещё бледнее обычного, но губы – розовые, яркие – казались особенно аппетитными.

Лу Цинцзю стало не по себе под пристальным взглядом Бай Юэху. Он лихорадочно искал тему для разговора, чтобы отвлечь внимание от себя. «Что вы сегодня ели?»

«Я ничего не ел», — ответил Бай Юэху.

Лу Цинцзю удивился: «Почему? Разве я не сварил куриный суп?»

«Я не голоден».

«Раз не голоден, — подумал Лу Цинцзю, — тогда не смотри на меня так, будто хочешь проглотить живьём». Он вспомнил слова друга. Похоже, Инь Сюнь несколько не преувеличивал. И если Лу Цинцзю оступится, Бай Юэху и правда может съесть его. Лу Цинцзю чувствовал опасность, но, странное дело, страха не было – только лёгкое изумление и даже что-

то вроде смеха.

«Я немного голоден. Что делать?» — спросил он.

Брови Бай Юэху нахмурились. «Я принесу куриного супа».

«Тогда свари суп с рисом и достань маринованные овощи».

Бай Юэху кивнул и быстро вышел. Вскоре он вернулся с едой. Куриный суп дымился, в нём плавали мягкие зёрна риса, сверху зеленел лук. Рядом на маленькой тарелке лежали аккуратно нарезанные маринованные овощи. Было видно, что Бай Юэху старался.

Лу Цинцзю взял миску, зачерпнул ложкой и медленно отправил в рот. Нежный вкус куриного супа успокоил голодный желудок, маринованные овощи освежали, а в супе плавала капелька любимого чили-масла. Вскоре на кончике носа выступили капельки пота, и Лу Цинцзю почувствовал, как к нему возвращаются силы.

«Ты правда не голоден?» — спросил он, отставляя пустую тарелку.

Бай Юэху покачал головой.

«Совсем-совсем?» — настаивал Лу Цинцзю.

«Не голоден».

Лу Цинцзю моргнул. Он ни капли не верил этому «не голоден». В конце концов, Бай Юэху ел за двоих, но, может, оттого, что ел много, и голод приходил к нему не так скоро?

Пока Лу Цинцзю размышлял, его снова пробрал холод. «Уголь в кане скоро потухнет?» — спросил он.

Бай Юэху взглянул на него, брови снова сошлись на переносице. «Огонь сильный».

«Тогда почему мне всё ещё холодно?.. — Только что Лу Цинцзю горел в лихорадке, а теперь дрожал. Он плотнее закутался в одеяло, но это не помогало. — Так холодно».

«Тебе всё ещё холодно?» — переспросил Бай Юэху.

Лу Цинцзю решительно кивнул. Бай Юэху на мгновение задумался, а потом сел рядом. Из-за

его спины выскользнули девять пушистых хвостов и обвились вокруг Лу Цинцзю. Эти хвосты были куда теплее человеческого тела. Завернувшись в них, Лу Цинцзю почувствовал себя так, будто упал в мягкую, горячую грудку хлопка. Он не сдержал удовлетворённого стога.

Глядя, как Лу Цинцзю зарывается в его мех, Бай Юэху спросил: «Теперь лучше?»

«Так удобно, так мягко. — Лу Цинцзю погладил хвосты, глупо довольно улыбаясь. — Гораздо лучше... А тебе не холодно?» — В одной тонкой рубашке Бай Юэху выглядел так, что у Лу Цинцзю замерзала шея.

«Мне не холодно», — ответил Бай Юэху.

Согревшись, поев и приняв лекарство, Лу Цинцзю почувствовал, как сон наваливается на него тяжёлой волной. Он приказал себе держаться, но голова наполнялась туманом, веки слипались, и он то и дело зевал, болтая с Бай Юэху, чтобы не провалиться в беспамятство.

Голос Бай Юэху был мягким, как падающий снег: «Ты спишь?»

«Немного... — Лу Цинцзю потер слипающиеся глаза, — сон одолевает».

Бай Юэху прошептал: «Если хочешь спать — просто спи».

Лу Цинцзю ответил приглушённым, сонным голосом: «А если я усну, ты меня съешь?»

Бай Юэху не ожидал такого прямого вопроса. Услышав его, он тихо рассмеялся. «Я буду изо всех сил себя сдерживать».

«Всего лишь сдерживать? — Лу Цинцзю, не скрывая беспомощности, спросил: — Неужели нельзя дать мне хоть какое-то обещание?»

Легкая тень беспокойства скользнула по лицу Бай Юэху, брови сошлись к переносице. «Обещать не могу. Ты выглядишь слишком аппетитно». Он протянул палец и едва коснулся подбородка Лу Цинцзю, затем медленно повел вниз, остановившись на едва заметно дрогнувшем кадыке. «Я сделаю всё, что в моих силах».

Лу Цинцзю не сдержал улыбки: «Что ж, придется положиться на тебя».

Бай Юэху молчал. Он облизнул пересохшие губы.

Лу Цинцзю отчаянно хотел не спать, но силы покидали его. Он боролся с тяжелеющими веками — стоило закрыть их на три секунды, и сон сомкнулся бы намертво. После долгой,

изнурительной борьбы с дремотой он наконец сдался. Не то чтобы он не желал сопротивляться дальше, просто больше не мог. В последнее мгновение, перед тем как глаза медленно закрылись, Лу Цинцзю увидел, как в глазах Бай Юэху вспыхнул алый огонь... Его, похоже, и вправду... собираются съесть. Лу Цинцзю провалился в глубокий сон.

Спал он на удивление сладко. Пушистые хвосты плотно обвили его тело, словно он лежал на теплом, мягком облаке. Болезнь, казалось, отступила, тяжелое тело стало невесомым. Однако это блаженство длилось недолго. Лу Цинцзю разбудила резкая боль. Он изумленно распахнул глаза. На нем кто-то лежал - тяжелый вес не давал пошевелиться. От шеи тянуло острой, режущей болью, словно ее пронзили лезвием. Лу Цинцзю мгновенно пришел в себя, поняв, что кто-то уткнулся лицом ему в плечо и впился зубами в шею - без сомнения, это был Бай Юэху.

«Юэху...» — инстинкт выживания вырвал из горла это слово. Лу Цинцзю уперся руками в плечи Бай Юэху, пытаясь оттолкнуть его. Но пропасть между человеком и не-человеком сейчас казалась непреодолимой. Он напряг все силы, но Бай Юэху не сдвинулся ни на дюйм.

«Ай! — зубы пронзили кожу на шее. Ярко-алая кровь закапала на подушку. Лу Цинцзю вскрикнул от боли: — Бай Юэху... остановись...»

Услышав его голос, Бай Юэху замер. Он слегка приподнял голову, глядя на лежащего под ним Цинцзю. Теперь Лу Цинцзю мог видеть его лицо. Выражение оставалось спокойным, привычным, но губы были вымазаны ярко-красной кровью, придавая ему жуткую, завораживающую красоту. Он позвал его по имени: «Цинцзю».

Лу Цинцзю сделал несколько прерывистых вдохов и спросил: «Бай Юэху, ты голоден?»

«Я не голоден».

Лу Цинцзю судорожно сглотнул: «Если не голоден, зачем ты меня укусил?»

«Ты боишься?» — вдруг спросил Бай Юэху. Его рука коснулась раны на шее Лу Цинцзю. Он зачерпнул указательным пальцем немного крови, затем отправил его в рот и медленно, с наслаждением, пососал. Уголки его губ изогнулись в довольной улыбке: «Так же вкусно, как я и представлял».

Лу Цинцзю заставил себя успокоиться и спросил: «Ты... собираешься меня съесть?»

Бай Юэху ответил вопросом на вопрос: «А ты как думаешь?»

«Я думаю, ты меня не съешь».

Бай Юэху молча смотрел на Лу Цинцзю, словно пытаясь разгадать какую-то загадку.

«Если бы ты собирался меня съесть, ты бы проглотил меня целиком, — сказал Лу Цинцзю. — Зачем будить болью? Верно?»

Бай Юэху молчал долго. Когда холодный пот уже начал струиться по спине Лу Цинцзю, он наконец кивнул: «Да».

Лу Цинцзю выдохнул - он так долго сдерживал дыхание. Но стоило ему расслабиться, как Бай Юэху снова наклонился, приблизившись к его шее, и начал тщательно слизывать стекающую кровь. Эта дотошная тщательность заставила Лу Цинцзю подумать о том, как обращаются с драгоценным лакомством... Ни одна капля не должна пропасть даром.

Лу Цинцзю оставалось только лежать на кровати, позволяя Бай Юэху делать всё, что тот хочет, не смея даже шевельнуться, боясь спровоцировать его. Произошедшее убедило его: Бай Юэху действительно хотел его съесть - кожу, кости, каждую частичку, ничего не упуская.

Когда Лу Цинцзю уже начал думать, что вот-вот снова провалится в сон, движения Бай Юэху наконец прекратились. Он выпрямился и внимательно осмотрел отметину, которую оставил на шее Лу Цинцзю. Склонив голову набок, он спросил: «Теперь ты будешь меня бояться?»

«Нет».

«Почему? — удивился Бай Юэху. — Я ведь хочу тебя съесть».

Лу Цинцзю улыбнулся: «Ты просто хочешь, но не сделаешь».

«Ты правда меня не боишься?»

«Ну... не особо».

Бай Юэху всмотрелся в выражение лица Лу Цинцзю. Только убедившись, что тот не лжет, он полностью слез с него. Именно тогда Лу Цинцзю ясно осознал: в вопросе, который только что задал Бай Юэху, таилась смертельная опасность. Если бы он действительно испугался и начал избегать его взгляда, возможно, в следующее мгновение этот нечеловечески прекрасный человек превратился бы в свою истинную форму и проглотил его целиком.

Бай Юэху не любил, когда его боятся. Ему не хотелось жить с тем, кто его страшится. Но Лу Цинцзю показал, что почти не боится, и ему посчастливилось пройти это испытание, не потеряв жизнь.

Бай Юэху поднялся с тела Лу Цинцзю, но девять пушистых хвостов всё еще обвивали его. Лу Цинцзю протянул руку, коснулся раны на шее, без труда нащупал следы укусов и задумался. Выражение его лица стало серьезным.

«О чем ты думаешь?» — спросил Бай Юэху.

«Это... лисьи клыки, верно?»

«Хм?»

«Если бы меня укусила собака, — задумчиво произнес Лу Цинцзю, — нужно было бы делать прививку от бешенства. А как быть с тобой?»

Бай Юэху промолчал.

«Но ты укусил меня в человеческом облике, — Лу Цинцзю растерянно нахмурился. — Так кто же меня укусил: человек или лиса?»

Они долго молча смотрели друг на друга. В конце концов Лу Цинцзю сдался первым, решив, что, наверное, всё будет в порядке. Он даже спросил Бай Юэху, кусал ли он кого-нибудь раньше.

«Нет, — твердо ответил Бай Юэху. — Я никогда никого не кусал».

Лу Цинцзю уже собрался улыбнуться, но услышал, как тот бесстрастно добавил: «Я всегда глотал их целиком».

«Тогда почему ты укусил меня?» — обиженно спросил Лу Цинцзю.

«Ты выглядел слишком аппетитно, — пояснил Бай Юэху. — Было бы жаль просто проглотить тебя целиком».

Лу Цинцзю онемел.

«Кто же знал, — продолжил Бай Юэху, — что от маленького укуса ты проснешься?»

«...» В голосе Бай Юэху слышалась искренняя печаль. Если бы я не проснулся, моя жизнь сегодня бы и закончилась? Похоже, в словах Пан Цзыци была доля правды. У зверей нет никакой логики...

Лу Цинцзю слабым голосом спросил: «И каков же я на вкус?»

«Очень вкусно», — ответил Бай Юэху.

На мгновение Лу Цинцзю не знал, смеяться ему или плакать. Он и не думал, что Бай Юэху выучит этот мем.

В оставшуюся половину ночи Лу Цинцзю не решался заснуть слишком глубоко. Но Бай Юэху, похоже, больше не собирался его есть.

На рассвете, несмотря на ветер и снег, к дому поспешил Инь Сюнь. Увидев здорового Лу Цинцзю, он облегченно выдохнул.

Лу Цинцзю попросил Бай Юэху выйти из комнаты - принести таз с горячей водой, а затем рассказал Инь Сюню всё, что случилось ночью.

Инь Сюнь посмотрел на следы укуса на шее друга и, дрожа от страха, сказал: «Черт, ты что, не испугался?»

«...Наверное, от жара я был не в себе, — пожал плечами Лу Цинцзю. — Особого страха не было».

«Это же жутко! — Инь Сюнь передернуло. — Будь я на твоём месте, я бы точно обмочился».

Укусить кого-то за шею - это нападение на жизненно важное место. Если бы Бай Юэху хоть чуть-чуть усилил нажим, слабая шея друга просто хрустнула бы и аккуратно распалась на две части. К счастью, Лу Цинцзю сумел сохранить спокойствие.

«Чего ты боишься? — усмехнулся Лу Цинцзю. — Ты же сам сделан из воды».

«Мое тело из воды, — возразил Инь Сюнь, — но сердце у меня хрустальное, чистое и хрупкое, как стекло».

Лу Цинцзю скорчил рвотную гримасу. Инь Сюнь, сидя с застенчивой улыбкой, продолжал вызывать у него отвращение.

Отдышавшись, Лу Цинцзю спросил: «Но ты же говорил, что он хочет меня съесть, потому что я ему нравлюсь?»

«Да».

Лу Цинцзю почувствовал, что в этой логике что-то не так. «Тогда, раз он меня не съел, значит, я ему на самом деле не очень нравлюсь?»

Инь Сюнь на мгновение задумался. «Я думаю, он тебя не съел именно потому, что ты ему

слишком нравишься».

На самом деле он прекрасно понимал ход мыслей Бай Юэху. В обычные дни всё было сносно, но стоило Лу Цинцзю заболеть, как просыпалось это щемящее чувство уязвимости – мысль о том, что люди так легко ускользают, что потеря заставит сердце ныть от тоски. А потому не лучше ли заранее упрятать человека в собственный желудок, чтобы никогда больше не терзаться страхом разлуки? Однако Инь Сюнь не ожидал, что Бай Юэху, едва откусив кусочек, сумеет обуздать свой голод и оставить Лу Цинцзю в живых. Когда он вошёл, то по-настоящему перепугался, застав в комнате лишь Бай Юэху да пустую кровать...

Лу Цинцзю чувствовал, что ему никогда не понять этих нелюдей. Но, в сущности, это было и не важно – главное, что он сам оставался жив и здоров.

Тем временем Бай Юэху вернулся, принеся тёплую воду. Лу Цинцзю умылся, но всё равно ощущал липкость на коже и захотел принять душ.

«Ты хочешь в душ? Боюсь, у тебя снова поднимется температура», — сказал Инь Сюнь. Он только что измерил температуру больного и обнаружил, что тот уже пришёл в норму. Но на улице стоял лютый холод, а здоровье Лу Цинцзю оставляло желать лучшего.

«И что же? Мне теперь так и ходить грязным?» — нахмурился Лу Цинцзю.

«Просто оботрись горячей водой. В комнате так натоплено, что даже раздетым не замёрзнешь», — предложил Инь Сюнь.

«Ладно», — не стал спорить Лу Цинцзю. Рисковать повторной болезнью он не смел: мало того, что самому придётся мучиться, так ещё и этот жадный лис будет следить за ним, как за добычей. На этот раз он отделался лишь следом от укуса, а в следующий, если не проснётся вовремя, кто знает, удастся ли вообще разомкнуть веки...

Он принялся обтираться прямо в комнате, старательно стирая с тела липкий пот. И вдруг, среди этих монотонных движений, его осенило: «Слушайте, а где мой маленький лисёнок?» — Он вспомнил, что вчера лёг спать, а когда проснулся – того и след простыл. Неужели Бай Юэху его...

Под пристальным взглядом Лу Цинцзю Бай Юэху нахмурился: «Чего уставился? В нём так мало мяса, мне такой не интересен».

Лу Цинцзю тихо пробормотал: «Во мне тоже немного мяса ...»

Инь Сюнь согласно кивнул: «Верно-верно, посмотри – Лу Цинцзю одна кожа да кости».

«Ничего, — отозвался Бай Юэху. — У него ещё есть куда расти».

Лу Цинцзю: «...» Спасибо за заботу, но я бы предпочёл избежать такого «роста».

«Он спит с двумя поросятами снаружи, всё в порядке», — добавил Бай Юэху.

Лу Цинцзю с облегчением выдохнул. В глубине души он и сам понимал, что Бай Юэху вряд ли съел бы маленького лиса – всё-таки они одной расы... наверное. Однако Инь Сюнь, похоже, давно знал, кто такой Бай Юэху на самом деле, но Лу Цинцзю не решался его расспрашивать. В конце концов, сам он остался жив лишь потому, что Бай Юэху пришлось по вкусу его стряпня, а вот Инь Сюнь такой удачей похвастаться не мог.

Хуже всего было то, что если Бай Юэху откусит половину Инь Сюня, тот к утру отрастит её заново. Идеальный самовосстанавливающийся источник пищи, не иначе.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: «Этот Лу Цинцзю заболел».

Лу Цинцзю: «Меня ещё можно спасти...»

Бай Юэху: «Не надо, давайте съедим его».

Лу Цинцзю: «А-а-а-а-а!!!»

Переводчикам есть что сказать:

ессо: Новая информация о расе Юэху... Интересненько. Ах, ещё чуть-чуть...

Цинцзю, ты у меня первый! Укушенный...

Рохана: /фанатеет от всего пушистого, обожает кошек и лис/ Ах, я бы так хотела зарыться лицом в хвосты Юэху... Ня-я-я... Эх, нас опять обломали с поцелуем! Жестокий автор!! Когда уже будет это самое, а?! /трясёт автора за плечи и грозно мяукает/

<http://bllate.org/book/15722/1611732>